

Лу Сяофэн, почесывая подбородок, внимательно осматривал происходящее. Казалось, всё вокруг было наполнено странной энергией, словно стая сов, вышедших днём охотиться на кроликов...

К счастью, он и Хуа Маньлоу не были теми самыми пухлыми кроликами.

Необычное поведение в усадьбе богача Сюй вызвало у Лу Сяофэна и Хуа Маньлоу множество вопросов. Помимо того, как все жители усадьбы могли одновременно впасть в безумие, их больше интересовало, как это связано с Чжун Иньяном и какое отношение хозяин усадьбы имел к событиям на горе Гуймин много лет назад.

Хуа Маньлоу обратился к сторожу:

— Старик, мы хотели бы встретиться с богачом Сюй, это возможно?

Его слух был настолько острым, что он заметил, как сторож, который провёл их внутрь, стоял рядом и усмехался. Он был, пожалуй, единственным трезвомыслящим человеком в этой усадьбе, и в его улыбке явно скрывался какой-то смысл.

Прежде чем сторож успел ответить, группа безумцев, прятаясь за колоннами, словно бы устала просто наблюдать и начала шевелиться, с протяжными криками бросаясь вперёд, протягивая руки.

— Не стоит тратить на них слова! Если хотим увидеть его, давайте просто найдём его сами! — воскликнул Лу Сяофэн.

Он оттолкнул Хуа Маньлоу назад и, словно тень, ворвался в толпу нападавших. Его движения были молниеносны, пальцы летали, и в мгновение ока он зафиксировал всех, нажав на их акупунктурные точки. Таким образом, во дворе усадьбы Сюй появилось странное зрелище — десятки мужчин и женщин с жуткими выражениями лиц, молодых и старых, с широко раскрытыми глазами и руками, застывшими в позе нападения.

Хуа Маньлоу с лёгким укором сказал Лу Сяофэну, вернувшемуся к нему:

— Брат Лу, ты, кажется, забыл, что я тоже практикую боевые искусства? И, кстати, не так уж плохо. Даже если я и не первый в мире, меня не так-то просто ранить.

Великий мастер Лу ухмыльнулся, почесывая подбородок:

— Все это просто марионетки с грубой силой, недостойные твоих усилий, седьмой молодой господин Хуа.

...

— Пойдём. Найдём этого богача Сюй, — Хуа Маньлоу не стал слушать его оправданий.

Сторож, увидев, что они направляются вглубь усадьбы, вдруг зловеще усмехнулся и, оставаясь на месте, произнёс:

— Похоже, в зале Яньвана скоро появятся два новых призрака.

Лу Сяофэн всю жизнь не терпел тех, кто притворяется и играет в мистику. Он любил расследовать дела, вмешиваться в чужие дела, но делил их на категории — те, кто действует открыто, даже если в итоге их ждёт печальный конец, заслуживают уважения, ведь они, даже

если движимы скрытыми желаниями, всё же готовы смотреть в лицо своим поступкам. А те, кто использует мистику и хитрость, подобны крысам, прячущимся в сточных канавах, вызывая лишь отвращение.

К сожалению, в его жизни достойных противников встречалось крайне мало.

Хуа Маньлоу почувствовал его лёгкое раздражение и покачал головой — даже такой умелый и свободный человек, как Лу Сяофэн, имел свои принципы и границы, которые нельзя было переступать.

Оставив двух тeneвых стражей охранять это место, они отправились вглубь усадьбы, направляясь прямо в кабинет богача Сюй.

Усадьбы богатых семей обычно строились в соответствии с принципами фэншуй, поэтому найти нужное место не составило труда. Однако, стоя перед дверью с надписью «Комната Удовольствия», Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу почувствовали не облегчение, а странное чувство подавленности.

Из комнаты доносились слабые звуки музыки.

Лу Сяофэн прикрыл уши и с нахмуренным лицом спросил у своего спутника:

— Хуа Маньлоу, почему эта мелодия вызывает такое неприятное чувство? Хотя я и не разбираюсь в музыке, но ранее слышал, как ты играл на цине. Мелодии были либо спокойными и приятными, либо грустными и мелодичными, но не такими, как эта — глухими, вызывающими затруднение дыхания и беспокойство.

Хуа Маньлоу, казалось, сосредоточился на звуках, а затем вдруг схватил Лу Сяофэна и отступил назад. Едва они остановились в десяти шагах, как дверь Комнаты Удовольствия распахнулась, и на полу посреди комнаты сидел мужчина средних лет с землистым лицом. Он сидел прямо, перед ним стоял древний цинь, а его худые руки лежали на поверхности инструмента, словно он играл на нём. Его сухие руки медленно скользили по струнам.

— Кажется, что-то не так, — проговорил Лу Сяофэн, глядя на мужчину, который по возрасту и одежде был похож на богача Сюй, которого они искали.

Он нахмурил брови, затем разгладил их и уже хотел подойти ближе.

Хуа Маньлоу не стал его останавливать, но предупредил сзади:

— Этот цинь — демонический, будь осторожен.

Лу Сяофэн махнул рукой, затем, используя внутреннюю энергию, закрыл слух и медленно вошёл в Комнату Удовольствия.

Глухая музыка продолжала звучать. Богач Сюй не поднимал головы, полностью сосредоточившись на цине перед ним, словно не замечая вторжения Лу Сяофэна. Его сухие, землистые руки механически двигались по струнам, словно каждое их движение было заранее запрограммировано, без малейшего отклонения.

Лу Сяофэн внимательно осмотрел цинь, который Хуа Маньлоу назвал демоническим. Корпус циня был сделан из настоящего дерева тун, круглый сверху и квадратный снизу, с «драконьим прудом» в восемь дюймов и «фениксовым болотом» в четыре дюйма. Длина циня составляла

три фута и шесть дюймов, ширина — шесть дюймов, с пятью струнами. На первый взгляд, это был совершенно обычный цинь.

Но именно из-за его чрезмерной стандартности в голове Лу Сяофэна зародились сомнения.

Все знают о четырёх знаменитых цинях: Хаочжун, Жаолян, Люйци и Цзяовэй, которые считаются сокровищами среди инструментов. Однако их известность больше связана с историями, стоящими за ними, правдивыми или вымышленными, и все они имеют семь струн.

После эпохи Чжоу пятиструнные цини стали редкостью, но сегодня они увидели именно такой.

Хуа Маньлоу тоже вошёл в комнату:

— Брат Лу, сколько струн у этого циня?

Лу Сяофэн понял, что они думают об одном и том же, и улыбнулся:

— Похоже, сегодня нам предстоит узнать что-то новое.

Хуа Маньлоу кивнул:

— Только вот не знаю, какой из Пяти Нарушений это?

Лу Сяофэн подошёл ближе и легонько ткнул богача Сюй в плечо. Тот тут же упал, музыка прекратилась, и всё погрузилось в тишину.

Но прежде чем они успели осмотреть цинь, из рукавов упавшего богача Сюй выползло несколько насекомых. Их было восемь, с двумя усиками на голове, не пауки и не муравьи, ползали они медленно, словно их многочисленные ноги были бесполезны.

...

Лу Сяофэн сначала испугался, что они могут ускользнуть, но, увидев, как эти странные существа изо всех сил пытаются ползти, но за полдня продвинулись всего на метр, опустил ногу.

— На цине вырезано лицо человека, — сказал он.

Он потянул за рукав Хуа Маньлоу, достал из него маленькую белую бутылочку, рассыпал порошок вокруг насекомых, а затем присел, чтобы рассмотреть цинь. Поверхность инструмента была испещрена полосами, образующими человеческое лицо, только лицо без тела, с обрезанной шеей, на срезе которой была нарисована ярко-красная краска, словно кровь, стекающая с обезглавленного человека.

— Похоже, это Цинь Убийства из Пяти Нарушений, — заключил Лу Сяофэн.

Хуа Маньлоу, выслушав его описание, не проявил радости, а лишь выразил беспокойство.

Обычно Хуа Маньлоу, как любитель и знаток циня, должен был оценить этот пятиструнный инструмент как редкий экземпляр, но его реакция была странной. Однако Лу Сяофэн, знавший историю Пяти Нарушений, понимал, почему он беспокоился.

По легенде, в древности жил одержимый цинем человек, чья жизнь была полна невзгод и трудностей. В итоге он изменился, обвиняя мир в своих бедах, и перед смертью создал пять

циней, названных Пять Нарушений: Убийство, Воровство, Разврат, Безумие, Опыянение.

В отличие от знаменитых циней, эти пять инструментов, наполненные ненавистью и гневом создателя к судьбе и миру, хотя и были уникальны по звучанию и мастерству, считались демоническими из-за проклятия, которое они несли. Их появление предвещало беду.

Усадьба богача Сюй была всего лишь небольшой усадьбой в управе Шаньси. Почему же здесь появился давно исчезнувший Цинь Убийства? И какова связь между смертью богача Сюй и Чжун Иньяном?

С этими вопросами Лу Сяофэн отправил тeneвых стражей известить власти, а сам начал искать банку, чтобы собрать этих глупых насекомых.

— Ты собираешься взять их с собой? — Хуа Маньлоу, заметив его действия, невольно отступил.

Седьмой молодой господин Хуа, хотя и не страдал от мании чистоты, но из-за своей слепоты не любил, чтобы вокруг него находились маленькие существа, которые могли бы незаметно заползти на него — всё, что двигалось бесшумно, он не подпускал ближе чем на три шага.

Лу Сяофэн похлопал по банке и ухмыльнулся:

— Эти насекомые выглядят странно, я таких раньше не видел. Возьму их, чтобы показать другим.

...

Что интересного в нескольких насекомых? Седьмой молодой господин Хуа не стал спорить с человеком, увлечённым игрой, и вышел за дверь, чтобы отдать приказы тeneвым стражам.

[Примечаний нет]

<http://bllate.org/book/16229/1458212>